

С. Маршак

**Лири-
ческие
эпи-
граммы.**

Ведёрко полное росы
Я из лесу принёс,
Тде ветви в ранние часы
Роняли капли слёз.

Ведёрко полное кабанов
Не боялся я сил,
Ужак и стижов лох техградв
По строгке я конил.

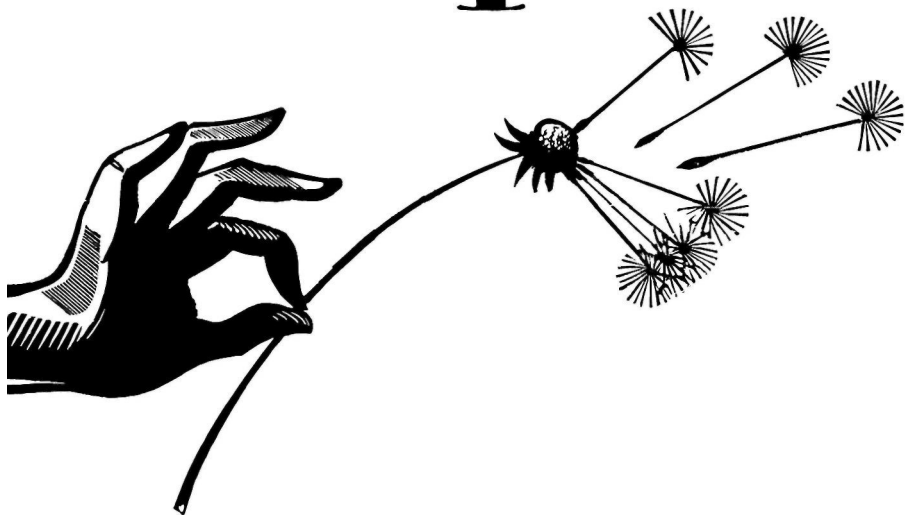

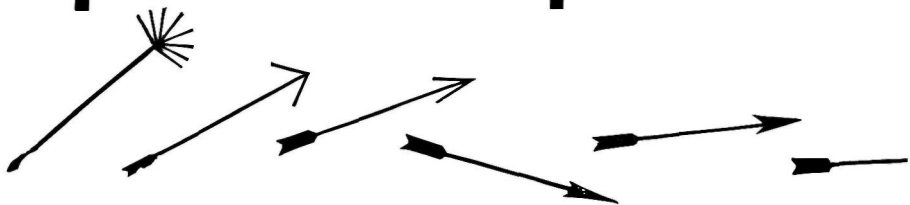

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА 1970

С. Маршак

лирические эпиграммы.

Художник Д. С. БИСТИ

Немало книжек выпущено мной,
Но все они умчались, точно птицы.
И я остался автором одной
Последней, недописанной страницы.

Дождись, поэт, душевного затишья,
Чтобы дыханье бури передать,
Чтобы легло одно четверостишие
В твою давно раскрытую тетрадь.

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льется,
И ловит капли детская рука.

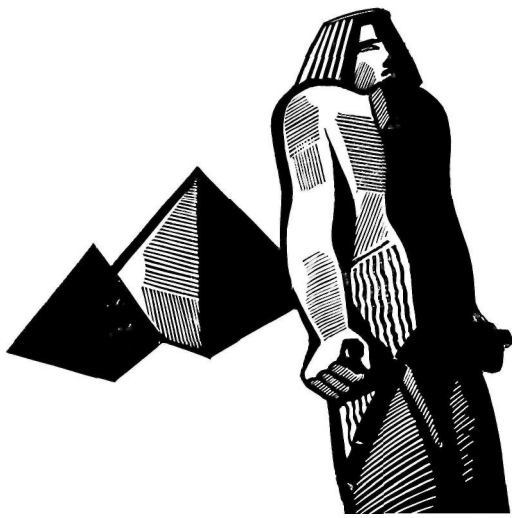
— О чем твои стихи? — Не знаю, брат.
Ты их прочти, коли придет охота.
Стихи живые сами говорят,
И не о чем-то говорят, а что-то.

Дорого вовремя время.
Времени много и мало.
Долгое время — не время,
Если оно миновало.

Так много ласточек летало
Почти с тех пор, как мир стоит,
Но их не помнят, их не стало,
А эта ласточка летит.

Мы принимаем всё, что получаем,
За медную монету, а потом —
Порою поздно — пробу различаем
На ободке чеканно-золотом.

За несколько шагов до водопада
Еще не знал катящийся поток,
С каких высот ему сорваться надо...
И ты готовься совершить прыжок!

Только ночью видишь ты вселенную.
Тишина и темнота нужна,
Чтоб на эту встречу сокровенную,
Не закрыв лица, пришла она.

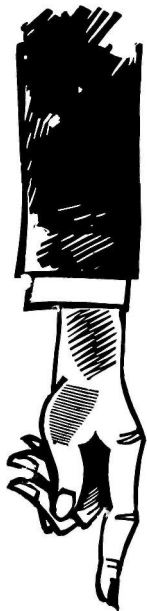
Даже по делу спеша, не забудь:
Этот короткий путь —
Тоже частица жизни твоей.
Жить и в пути умей.

Существовала некогда пословица,
Что дети не живут, а жить готовятся.
Но вряд ли в жизни пригодится тот,
Кто, жить готовясь, в детстве не живет.

Он взрослых изводил вопросом «почему?».
Его прозвали «маленький философ».
Но только он подрос, как начали ему
Преподносить ответы без вопросов.

И с этих пор он больше никому
Не досаждал вопросом «почему?».

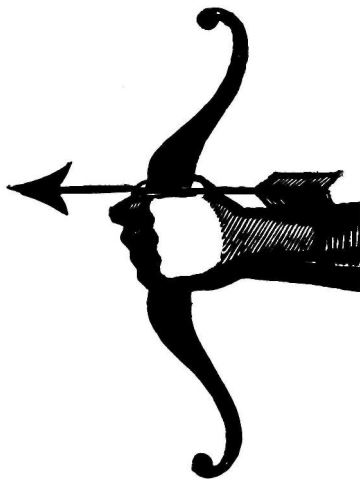

Человек ходил на четырёх,
Но его понятливые внуки
Отказались от передних ног,
Постепенно превратив их в руки.

Ни один из нас бы не взлетел,
Покидая землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.

Власть безграничная природы
Нам потому не тяжела,
Что чувство видимой свободы
Она живущему дала.

Как ни цветиста ваша речь,
Цветник словесный быстро вянет.
А правда голая, как меч,
Вовек сверкать не перестанет.

Старайтесь сохранить тепло стыда.
Всё, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.

Бремя любви тяжело, если даже несут его двое.
Нашу с тобою любовь нынче несу я один.
Долю мою и твою берегу я ревниво и свято,
Но для кого и зачем, сам я сказать не могу.

Люди пишут, а время стирает,
Всё стирает, что может стереть.
Но скажи: если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной.
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

И час настал. И смерть пришла, как дело,
Пришла не в романтических мечтах,
А как-то просто сердцем завладела,
В нем заглушив страдание и страх.

Года четыре был я бессмертен,
Года четыре был я беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что век мой не вечен.

Вы, что умеете жить настоящим,
В смерть, как бессмертные дети, не верьте.
Миг этот будет всегда предстоящим —
Даже за час, за мгновенье до смерти.

Сменялись в детстве радугой дожди,
Сияньем солнца — сумрачные тени.
Но в зрелости не требуй и не жди
Таких простых и скорых утешений.

Замерзший бор шумит среди лазури,
Метет ветвями синеву небес.
И кажется, — не буря будит лес,
А буйный лес, качаясь, будит бурю.

Где вплотную, высок и суров,
Подступает к дороге бор, —
Ты увидишь сквозь строй стволов,
Словно в озере, дом и двор.

Так и тянет к себе и зовет
Теплым дымом домашний кров.
Не твоя ли здесь юность живет
За тремя рядами стволов?

ИЗ СТИХОВ ВОЕННЫХ ЛЕТ

1

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метет метель
И что идет война.

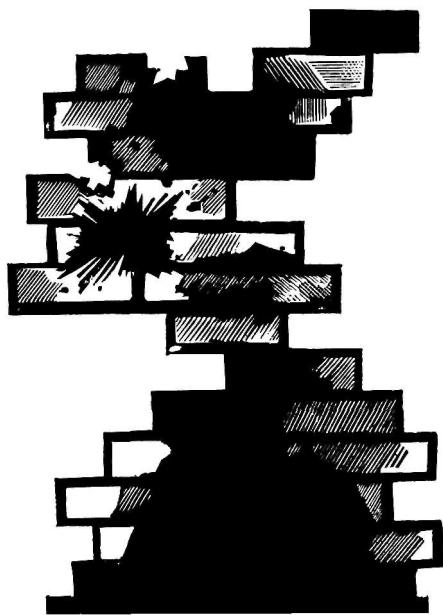

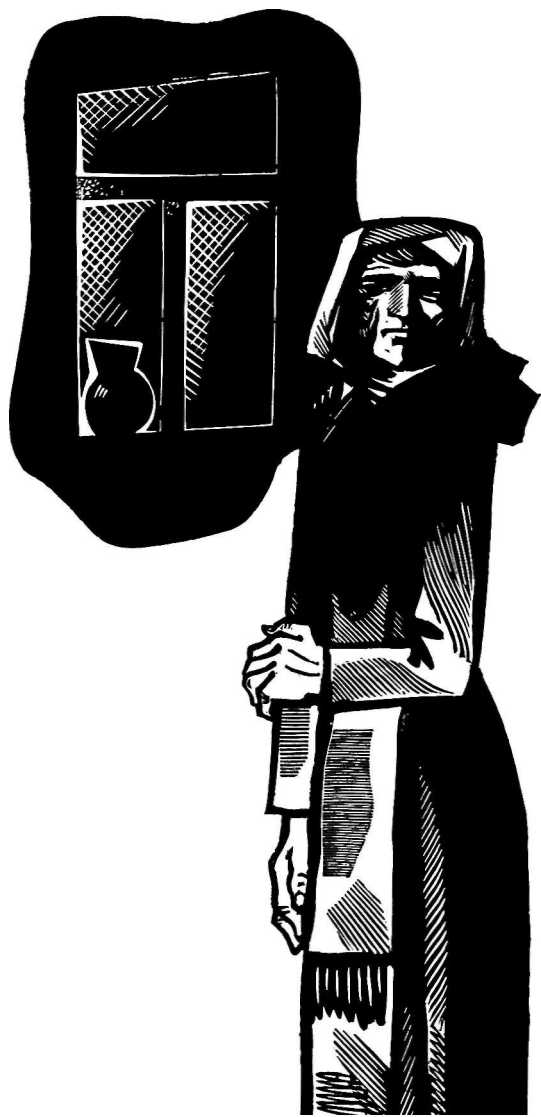
Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись:

«Отстоим!»

А сверху «р» добавлено:

«Отстроим!»

У одного советского министра

Спросила мать, живущая в деревне:

— Ты кем сейчас работаешь, сынок? —

Он ей назвал свой пост и учреждение,

Но мать, не успокоившись, спросила:

— А это в помещении, сынок?

— Да, у себя, в служебном кабинете.

— Ах, в помещенье? Ну и хорошо.

Как обнажаются судов тяжелых днища,
Так жизнь мы видели раздетой догола.
Обеды, ужины мы называли пищей,
А комната для нас жилплощадью была.

Но пусть мы провели свой век в борьбе суровой,
В такую пору жить нам довелось,
Когда развеялись условностей покровы
И всё, что видели, мы видели насквозь.

Стебли трав, пробившись из земли,
Под плитой тяжелой не завяли,
Сквозь кору асфальта проросли
И — глядишь — тюрьму свою взорвали.

Человек — хоть будь он трижды гением —
Остается мыслящим растением.
С ним в родстве деревья и трава.
Не стыдитесь этого родства.
Вам даны до вашего рождения
Сила, стойкость, жизненность растения.

Зверь в укротителе не должен чують мясо.
Могучий лев испытывает страх
Перед неведомым, когда живую массой
У дрессировщика лежит он на плечах.

Всё умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.

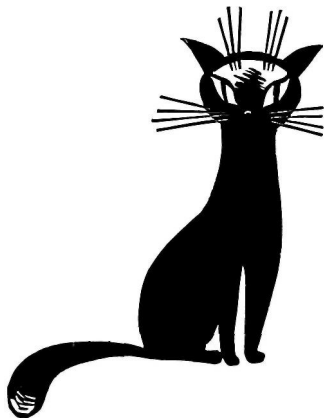
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

Дана лишь минута
Любому из нас.
Но если минутой
Кончается час,
Двенадцатый час, открывающий год,
Который в другое столетье ведет, —
Пусть эта минута, как все, коротка,
Она, пробегая, смыкает века.

Нужна нам отвага
Для первого шага.
А кто упадет, но рискнет на второй,
Тот дважды герой.

Расти, дружок, и крепни понемножку
И помни, что живое существо
Перерасти должно хотя бы кошку,
Чтобы она не слопала его.

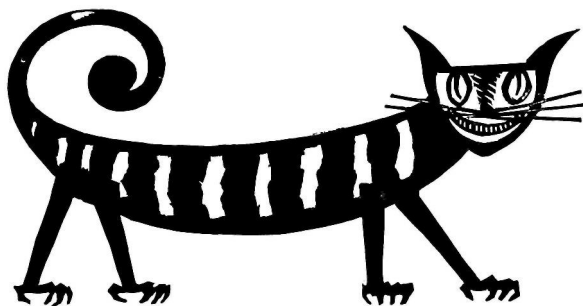
Как вежлив ты в покое и в тепле.
Но будешь ли таким во время давки
На поврежденном бурей корабле
Или в толпе у керосинной лавки?

Определять вещам и людям цену
Он каждый раз предоставлял другим.
В театре жизни видел он не сцену,
А лысины сидящих перед ним.

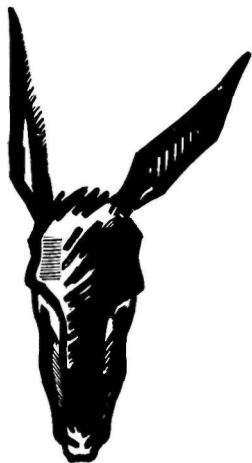
Ты меришь лестницу числом ее ступеней,
Без мебели трудней на глаз измерить зал.
Без лестницы чинов, без множества делений
Большим бы не был чином генерал.

Свиньи, склонные к бесчинству,
На земле, конечно, есть.
Но уверен я, что свинству
Человечества не съесть.

Не для того, чтоб жить, он ест и пьет, —
Во всем он алчно ищет наслажденья,
Ни святости любви не признает,
Ни платы за любовь — деторожденья.

На склоне лет бесплоден он, как мул,
Плоть износил, хоть он ее и нежил,
Дух оскорбил, природу обманул
И прожил жизнь, как будто бы и не жил.

Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети,
И все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.

К искусству нет готового пути.
Будь небосвод и море только сини, —
Ты мог бы небо с морем в магазине,
Где краски продают, приобрести.

Без музыки не может жить Парнас.
Но музыка в твоём стихотвореньи
Так вылезла наружу, напоказ,
Как сахар прошлогоднего варенья.

Красиво пишет первый ученик,
А ты предпочитаешь черновик.
Но лучше, если строгая строка
Хранит веселый жар черновика.

О МОДЕ

Ты старомоден. Вот расплата
За то, что в моде был когда-то.

О РИФМЕ И ПРОЧЕМ

Нужна ли рифма, например?
Ведь нет же рифмы у Гомера.
А для чего стихам размер?
Пожалуй, можно без размера.

Стихам не нужно запятых.
Им ни к чему тире и точки.
Не упразднить ли самый стих?
Но как считать мы будем строчки?

МЕРЫ ВЕСА

Писательский вес по машинам
Они измеряли в беседе:
Гений — на «ЗИЛе» длинном,
Просто талант — на «Победе».

А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину «Москвич»
Или ходит пешком. Как Чехов.

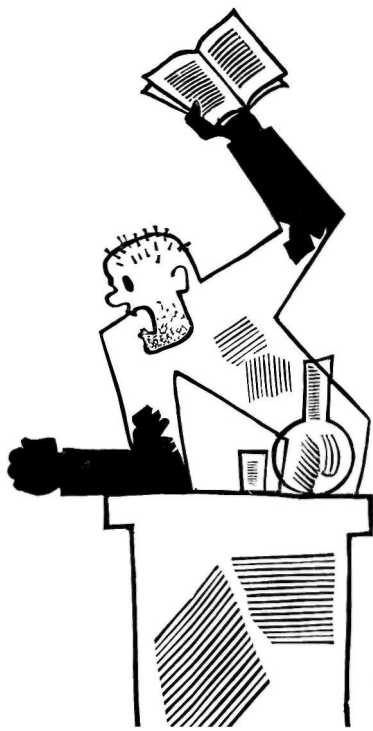

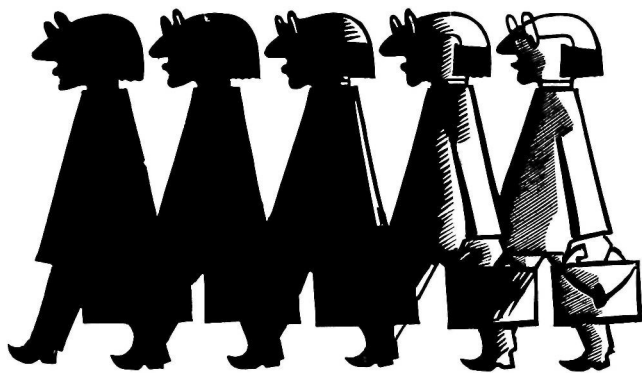
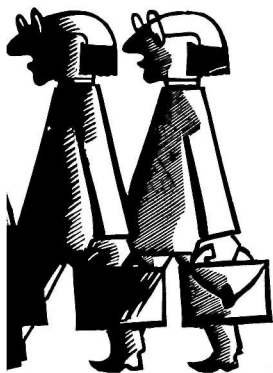
НАЧИНАЮЩЕМУ ПОЭТУ

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал, — не поэт,
А кто уж начал — тот не начинающий.

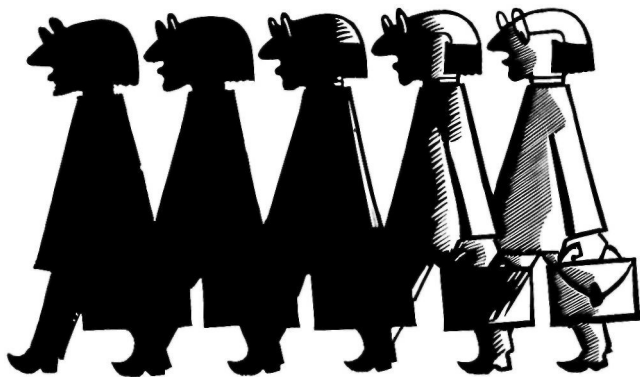
Пускай стихи, прочитанные просто,
Вам скажут всё, о чем сказать должны.
А каблуки высокие нужны
Поэтам очень маленького роста.

Говорила мышка мышке:
— До чего люблю я книжки!
Не могу я их прочесть,
Но зато могу их съесть.

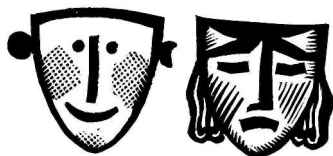

Литература, скажем, это — ванна.
И у нее имеются два крана.
Нагреть такую ванну — труд бесплодный:
Так много льют в нее воды холодной!

Искусство строго, как монетный двор.
Считай его своим, но не присваивай.
Да не прельстится шкуркой горностаевой
Роль короля играющий актер.

У Пушкина влюбленный самозванец
Полячке открывает свой обман,
И признается пушкинский испанец,
Что он — не дон Диего, а Жуан.

Один к покойнику свою ревнует панну,
Другой к подложному Диего — донну Анну...
Так и поэту нужно, чтоб не грим,
Не маска лживая, а сам он был любим.

Прославленный Василий Теркин твой
Не может быть никем повышен в чине.
А почему? По той простой причине,
Что он по самой сути рядовой.

ПЕРЕВОДЧИКУ

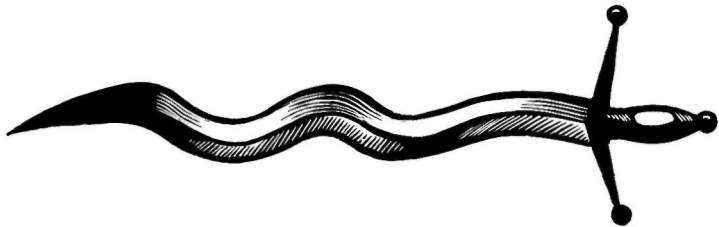
Хорошо, что с чужим языком ты знаком,
Но не будь во вражде со своим языком!

Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром,
Не сразу он из ряда вышел вон.
Века прошли, пока он целым миром
Был в звание Шекспира возведен.

О том, что жизнь — борьба людей и рока,
От мудрецов древнейших слышал мир.
Но с часовой стрелкою Востока
Минутную соединил Шекспир.

Да будет мягким сердце, твердой — воля!
Пусть этот нестареющий наказ
Напутствием послужит каждой школе,
Любой семье и каждому из нас.

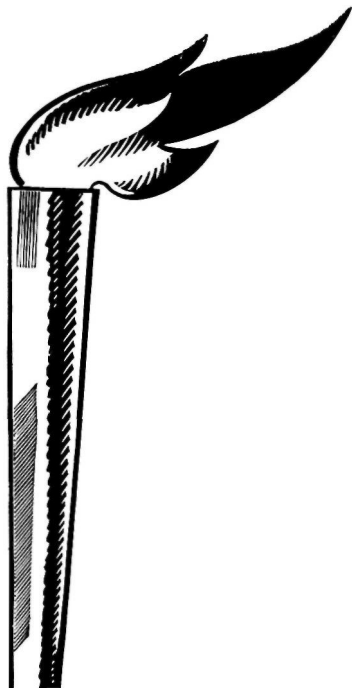
Как часто у тиранов на престоле
Жестоким было сердце, слабой — воля.

«Инкогнито к нам едет ревизор...»
Среди ребят, сидящих в первом классе,
Не различит и самый острый взор,
Что может быть и Пушкин в этой массе.

Питает жизнь ключом своим искусство.
Другой твой ключ — поэзия сама.
Заглох один, — в стихах не стало чувства,
Забыт другой, — строка твоя нема.

Над прошлым, как над горною грядой,
Твое искусство высится вершиной.
А без гряды истории седой
Твое искусство — холмик муравьиный.

Дыхание свободно в каждой гласной,
В согласных — прерывается на миг.
И только тот гармонии достиг,
Кому чередованье их подвластно.

Звучат в согласных серебро и медь.
А гласные даны тебе для пенья.
И счастлив будь, коль можешь ты пропеть
Иль даже продышать стихотворенье.

Четыре строчки источают яд,
Когда живет в них злая эпиграмма,
Но раны сердца лечат «Рубайат» —
Четверостишья старого Хайяма.

Мы любим в детстве получать подарки,
А в зрелости мы учимся дарить,
Глазами детскими смотреть на праздник яркий
И больше слушать, меньше говорить.

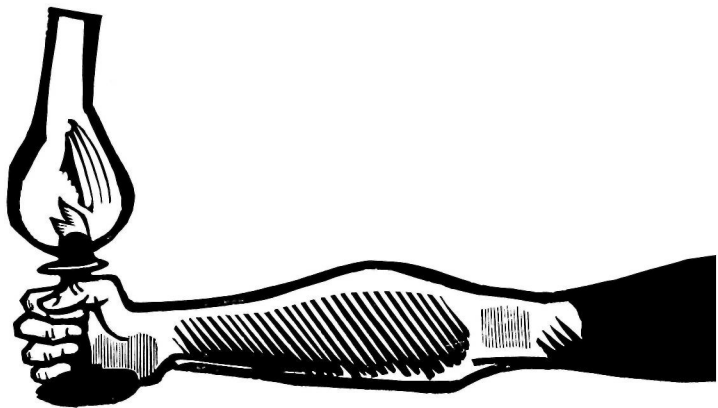
Ни сил, ни чувств для ближних не щади.
Кто отдает, тот больше получает.
Нет молока у матери в груди,
Когда она ребенка отлучает.

Пускай бегут и после нас,
Сменяясь, век за веком, —
Мир умирает каждый раз
С умершим человеком.

Не погрузится мир без нас
В былое, как в потемки.
В нем будет вечное сейчас,
Пока живут потомки.

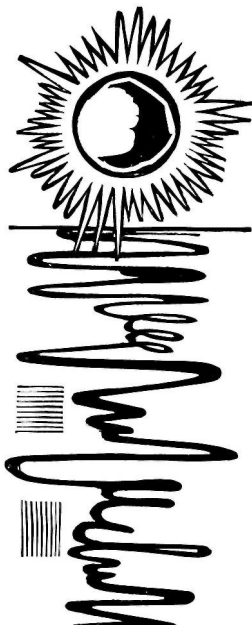
Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья.
Какого бы ты счастья ни достиг,
Ты прошлому отдашь без промедленья
Еще живой и неостывший миг.

ИЗ ПУТЕВОЙ ТЕТРАДИ

1

Как быстро палящее солнце зашло,
Исчезло в морской глубине,
Оставив безоблачной ночи тепло
И свет приглушенный — луне.

2

Должно быть, ветер понемножку
На этот склон земли нанес,
Чтоб зелень ласковою кошкой
Легла на каменный откос.

Над городом осенний мрак навис.
Ветвями шевелят дубы и буки,
И слабые, коротенькие руки
Показывает в бурю кипарис.

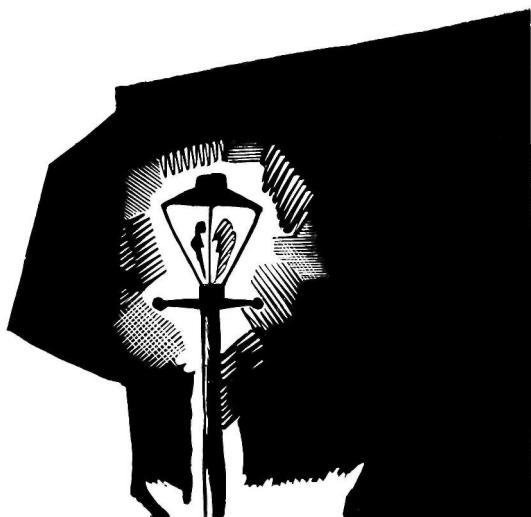
Вечерний лес еще не спит.
Луна восходит яркая.
И где-то дерево скрипит,
Как старый ворон каркая.

Всё этой ночью хочет петь.
А неспособным к пению
Осталось гнутья да скрипеть,
Встречая ночь весеннюю.

Небо. Море.
Море. Небо.
Позабудешь о земле, —
Словно ты на ней и не был,
Век провел на корабле.

Но когда впотьмах на койку
Заберешься, как в жильё,
Видишь землю, землю только,
Только землю. Да ее.

У ближних фонарей такой бездумный взгляд,
А дальние нам больше говорят
Своим сияньем, пристальным и грустным,
Чем люди словом, письменным и устным.

Сон сочиняет лица, имена,
Мешает с былью пестрые виденья.
Как волны подо льдом, под сводом сна
Бессонное живет воображенье.

Как хорошо проснуться утром дома,
Где все, казалось бы, вам издавна знакомо,
Но где так празднично в явь переходит с о н , —
Как будто к станции подходит ваш вагон.

Вы просыпаетесь от счастья, словно в детстве.
Вам солнце летнее шлет миллион приветствий,
И стены светлые, и ярко-желтый пол,
И сад, пронизанный насквозь жужжаньем пчел.

Ласкают дыханье и радуют глаз
Кустов невысоких верхушки
И держат букеты свои напоказ,
Как держат ребята игрушки.

Березка тонкая, подросток меж берез,
В апрельский день любуется собою,
Глядясь в размытый след больших колес,
Где отразилось небо голубое.

Ведерко, полное росы,
Я из лесу принес,
Где ветви в ранние часы
Роняли капли слез.

Ведерко слез лесных набрать
Не пожалел я сил.
Так и стихов моих тетрадь
По строчке я копил.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

«Немало книжек выпущено мной...»	7
«Дождись, поэт, душевного затишья...»	8
«Пусть будет небом верхняя строка...»	9
«— О чем твои стихи?...»	10
«Дорого вовремя время...»	11
«Так много ласточек летало...»	12
«Мы принимаем всё, что получаем...»	13
«За несколько шагов до водопада...»	14
«Только ночью видишь ты вселенную...»	15
«Даже по делу спеша, не забудь...»	16
«Существовала некогда пословица...»	17
«Он взрослых изводил вопросом «почему?»...»	18
«Человек ходил на четырех...»	19
«Власть безграничная природы...»	20
«Как ни цветиста ваша речь...»	21
«Старайтесь сохранить тепло стыда...»	22
«Бремя любви тяжело...»	23
«Люди пишут, а время стирает...»	24
«И час настал...»	25
«Года четыре был я бессмертен...»	26
«Сменялись в детстве радугой дожди...»	27
«Замерзший бор шумит среди лазури...»	28
«Где вплотную, высок и суров...»	30

Из стихов военных лет

1. «Ты каждый раз, ложась в постель...»	31
2. «Я прохожу по улицам твоим...» . . .	32
«У одного советского министра...»	35
«Как обнажаются судов тяжелых днища...»	36
«Стебли трав, пробившись из земли...»	37
«Человек — хоть будь он трижды гением...»	38
«Зверь в укротителе не должен чуять мясо...»	39
«Всё умирает на земле и в море...»	40
«Дана лишь минута...»	41
«Нужна нам отвага...»	42
«Расти, дружок...»	43
«Как вежлив ты...»	44
«Определять вещам и людям цену...»	45
«Ты меришь лестницу...»	46
«Свиньи, склонные к бесчинству...»	47
«Не для того, чтоб жить...»	48
«Как зритель, не видевший первого акта...»	49
«К искусству нет готового пути...»	51
«Без музыки не может жить Парнас...»	52
«Красиво пишет первый ученик...»	53
О моде	54
О рифме и прочем	55
Меры веса	56
Начинающему поэту	57
«Пускай стихи, прочитанные просто...»	58
«Говорила мышка мышке...»	59
«Литература, скажем, это — ванна...»	61
«Искусство строго...»	62
«У Пушкина влюбленный самозванец...»	63

«Прославленный Василий Теркин твой...» . . .	64
Переводчику	65
«Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром...»	66
«О том, что жизнь...»	67
«Да будет мягким сердце...»	68
«Инкогнито к нам едет ревизор...»	69
«Питает жизнь ключом своим искусство...» . . .	70
«Над прошлым, как над горного грядой...» . . .	71
«Дыхание свободно в каждой гласной...» . . .	72
«Четыре строчки источают яд...»	73
«Мы любим в детстве получать подарки...» . . .	74
«Ни сил, ни чувств для ближних не щади...» . . .	75
«Пускай бегут и после нас...»	76
«Не погрузится мир без нас...»	77
«Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья...» . . .	78

Из путевой тетради

1. «Как быстро палящее солнце зашло...»	80
2. «Должно быть, ветер понемножку...» . . .	81
3. «Над городом осенний мрак навис...» . . .	82
«Вечерний лес еще не спит...»	83
«Небо. Море...»	84
«У ближних фонарей...»	85
«Сон сочиняет лица, имена...»	86
«Как хорошо проснуться утром дома...» . . .	87
«Ласкают дыханье и радуют глаз...»	88
«Березка тонкая...»	89
«Ведро, полное росы ...»	90

Маршак Самуил Яковлевич

ЛИРИЧЕСКИЕ ЭПИГРАММЫ

М., «Советский писатель», 1970, 96 стр.

Резерв 1970 г.

Редактор **В. С. Фогельсон**

Худож. редактор **В. И. Морозов**

Техн. редактор **А. И. Мордовина**

Корректор **Л. А. Матасова**

*

Сдано в набор 2/VIII 1968 г.
Подписано к печати 22/IV 1970 г.
Бумага 70x108¹/₃₂ мелованная.
Печ. л. 3(4,2). Уч.-изд. л. 1,36
Тираж 50 000 экз. Заказ № 2996
Цена 23 коп.

*

Издательство «Советский писатель»,
Москва, К-9, Б. Гнезниковский пер., 10
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28.

23 коп.

*«Лирические эпиграммы»
С. Я. Маршака — переиздание
последней книги поэта, подго-
товленной им самим и выпу-
щенной издательством «Совет-
ский писатель» в 1965 году.*